

УДК 81'374.2 : 94; 811.161“20/21”

Золтан А.

Университет имени Лоранда Этвеша

1088, г. Будапешт, Музейный бульвар, д. 4/д, Венгерская республика

ИСТИНЫ И КУРЬЁЗЫ В ИСТОРИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ XX–XXI ВВ.

Аннотация. В статье анализируются случаи неправильных прочтения и интерпретации лексических элементов в словарях восточнославянских языков XX–XXI вв. Автор путём историко-лингвистического, этимологического и этнокультурного анализа «тёмных мест» и гапаксов, а также реалий их бытования в текстах восстанавливает подлинную картину жизни слова, уточняет и выверяет его семантику. Так, на примере словарной статьи «доходъ», содержащей в «Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)» дезинформацию, автор показывает заимствованный характер данного слова в русском языке. Отмечаются также примеры неправильно прочтённых и объяснённых в словарях лексем *кма(т)* вместо *к[а]мать* и *польский* 'относящийся к Польше' вместо правильного значения 'полевой'. По мнению автора статьи, анализ таких случаев позволит современным исследователям памятников письменности обратиться к достоверным источникам и понять важность изучения лексикографического материала не только с точки зрения получения справочной информации, но и с позиции выявления ошибок и погрешностей.

Ключевые слова: восточнославянские языки, исторические словари, этимология, семантика, лингвистическое источниковедение, культура текста.

A. Zoltán

Eötvös Loránd University

4/d, Museum boulevard, Budapest 1088, Hungary

TRUTHS AND CURIOSITIES IN THE HISTORICAL DICTIONARIES OF THE EAST SLAVIC LANGUAGES OF THE 20TH AND 21TH CENTURIES

Abstract. The article analyses the interesting cases of the wrong reading and interpretation of lexical items in the dictionaries of East Slavic languages of the XX–XXI centuries. The author by the historical-linguistic, etymological and cultural analysis of the «dark places» and gaps, as well as of the realities of their existence in the texts, restores the true picture of word existence, clarifies and reconciles its semantics. So, analysing the dictionary entry «income» containing some misinformation in the «Dictionary of the Old Russian language (XI–XIV centuries)», the author shows the nature

of the borrowed word in the Russian language. There are also examples of misinterpretation of the following lexemes: *kma(t)* instead of *k[a]mat'* and *polski* 'relating to Poland' instead of the correct meaning 'field'. Such cases will allow modern researchers of written records to refer to reliable sources and understand the importance of learning lexicographic material not only from the point of view of obtaining background information, but it will help to identify mistakes and errors.

Key words: East Slavic languages, historical dictionaries, etymology, semantics, linguistic source-study, culture of text.

Цель представленной работы – показать методику выявления некорректных прочтений и предостеречь историков языка и культуры от возможных фальсификаций.

Исторические словари восточнославянских языков, изданные во второй половине XX в. или издаваемые и поныне, во многом облегчают работу исследователей истории лексики и этимологии этих языков. Иногда даже явные ошибки или замалчивания в исторических словарях могут быть полезными для этимолога. Так, например, словарная статья *доходъ* в *Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)* информирует о том, что в источниках словаря это существительное засвидетельствовано 13 раз и словарная статья иллюстрируется четырьмя примерами из западнорусской грамоты Владислава Ягелло 1387 г. [13, т. 3, с. 76]. Если проверить цитаты в словаре по тексту указанной грамоты, оказывается, что слово *доходъ* фиксируется в ней ровно 13 раз, т. е. словарь замалчивает то немаловажное обстоятельство, что слово *доходъ* в его огромной базе источников засвидетельствовано, правда, 13 раз, но всего лишь в одной грамоте, вышедшей из литовской великокняжеской канцелярии, или иначе – в пределах XI–XIV вв. ни разу не засвидетельствовано в великорусских памятниках.

В великорусском *доход* впервые засвидетельствовано в документах митрополичьей канцелярии 1451 г. В этих грамотах о назначении митрополичьих наместников для Киева и для Литвы последний общерусский митрополит Иона обращается к своим наместникам, чтобы они управляли церковью «по доволу всяко божественныхъ и священныхъ правил и церковнаго правильного нашего *дохода*», а также к православному населению: «Вы же [...] князи и *панове*, и архимондриты и протопопове, и игумены и *мъстичи* [...] А также сынове, благославляя васъ всѣхъ *посполно*, чтобы тѣтъ нашъ намѣстникъ въ *доходѣхъ* и въ пошлинахъ церковныхъ ни отъ кого не обиженъ былъ» [9, с. 572].

Преобладает убеждение, что русск., укр., болг., мак. *доход*, польск. *dochód*, чешск. *důchod* 'доход, прибыль' являются континуантами **dochodъ*, якобы существовавшего уже в праславянском [20, с. 180; 22, с. 415, 416; 30,

т. 4, с. 29]; большую осторожность по отношению к этому слову проявлял О.Н. Трубачев, который не только не приводил отдельной статьи *dochodъ*, но не упоминал о нём даже в статье *dochoditi* [21, вып. 5, с. 52]. Однако уже на основе самого материала, собранного в указанных словарях, можно иметь некоторые сомнения в состоятельности этой точки зрения. Прежде всего, весьма шаткая аргументация по отношению к южнославянскому материалу. В болгарском и русском этимологических словарях игнорируется указание С. Младенова (цит. по: [30]) на то, что болг. *доход* в данном значении является поздним русизмом; упускается также из виду, что в сербско-хорватском в данном значении выступает в основном не *доход* (которая, кроме единичных поздних случаев, засвидетельствована только в конкретных значениях), а *доходак* (уже с XIII в.). Напомним, что с.-х. *доходити* – в отличие от соответствующих по структуре восточно- и западнославянских глаголов – имеет значение ‘приходить’, значит, с.-х. *доходак* – это ‘то, что приходит’ и поэтому не является безупречной параллелью к словам типа русск. *доход*, польск. *dochód*, которые, по мнению авторов этих же словарей, являются отглагольными существительными от производящей леммы *dochoditi*, имеющей в восточно- и западнославянских языках другое значение (‘доходить до какого-л. предела’). Поздние (с XIX в.) и редкие формы с.-х. *доход*, словен. *dohod* ‘доход’ следует рассматривать как заимствования из других славянских литературных языков; то же самое можно сказать и о мак. *доход*, в котором уже само наличие *-х-* указывает на книжный характер слова. Таким образом, южнославянский материал, приведённый в указанных словарях, скорее противоречит праславянскому характеру этого слова, чем подтверждает его.

Всё это позволило бы ещё рассматривать **dochodъ* ‘proventus, tributum’ как праславянский диалектизм (северо-западный, в отличие от южного **dochodъкъ*). Однако оказывается, что *доходъ* в данном значении нельзя считать даже общевосточнославянским, так как фиксация др.-русск. *доходъ* с XIV в. (принимаемая в Słownik prasłowiański [30] вслед за Словарём русского языка XI–XVII вв. [15, вып. 4, с. 345]) основывается на недоразумении. Дело в том, что слово *доходъ* в указанном значении действительно засвидетельствовано в Никоновской летописи под 1342 г. («Нѣци же рустии чловѣци оклеветаша Феогнаста митрополита къ царю, яко „много безчислено имать *дохода*, и злата, и сребра и всякаго богатства”»), но сама эта летопись была составлена лишь в XVI в. [6]. Примеры, приведённые И.И. Срезневским из русских переводов ханских ярлыков 1267 г. и 1379 г., данных русским митрополитам [17, т. 1, с. 719], также не могут свидетельствовать об известности слова *доходъ* в великорусском языке XIII–XIV вв., так как оно не читается в самых ранних переводах, сохранившихся в списках середины XV в.

[11, т. 3, с. 465–491], но только в так называемых пространной и смешанной коллекциях ханских ярлыков, возникших путём переделки и дополнения (т. е. фальсификации) так называемой краткой коллекции в целях доказательства того, что уже татарские цари гарантировали иммунитет церковных имений. Переделка имела место в связи с собором 1550 г. [12, с. 47–50]; слово *доходъ* в одном из списков смешанной коллекции [12, с. 110]. Таким образом, употребление слова *доходъ* в списках этих двух позднейших редакций при отсутствии его в первоначальной редакции свидетельствует лишь об известности данного слова во время составления указанных редакций, т. е. в первой половине XVI в. Пример И.И. Срезневского из грамоты 1425 г. взят также из позднего списка (XVII в.). Единственный пример у И.И. Срезневского, не вызывающий никаких сомнений в отражении современного датировке употребления слова *доходъ*, восходит к жалованной грамоте Ягайла своему брату Скиригайлу 1387 г., изданной по подлиннику [23, № 40, с. 74–79]; эта грамота, разумеется, относится к памятникам не великорусского, а западнорусского делового языка.

Всё это задним числом подтверждает наше наблюдение [5, с. 19], что слово *доход* было заимствовано великорусским языком из западнорусского не раньше XV в.

Таким образом, до грамоты митрополита Ионы 1451 г. у нас нет достоверных данных о наличии слова *доходъ* в великорусском; имеются лишь данные, свидетельствующие о широком распространении этого слова в старобелорусском и староукраинском, начиная с последней четверти XIV в. [25, т. 1, с. 323]. В деловой письменности Великого княжества Литовского XIV–XV вв. слово *доходъ* является самым частотным членом синонимического ряда *доходъ* (457 словоупотреблений в источниках [25]) – *приходъ* (76 раз [25, т. 2, с. 249]) – *пошлина* (92 раз [25, т. 2, с. 218]); между тем как в великорусской письменности до самого конца XV в. случаи употребления этого слова являются спорадическими и при этом, как мы видели, впервые оно засвидетельствовано в документе митрополичьей канцелярии, связанном с Литвой. Отметим, что слово *доходъ* к этому времени закрепилось в деловом языке Великого княжества Литовского как общее название всякого рода поборов не только в пользу светских феодалов, но и в пользу церкви, в том числе и православной, как это отчётливо явствует, например, из жалованной уставной грамоты киевского удельного князя Александра (Олелько) Владимировича 1414 г., данной им предшественнику Ионы на киевской митрополичьей кафедре Исидору: «есмо отдали г(осподи)ну отцоу своему сидору [...] села вся ц(е)рк(о)вьная, и земли, и съ всѣми *доходы*»; «а так же воиводы [...] не вступали бы ся оу ц(е)рк(о)вныя земли и воды, и в люди и въ вси *доходы*, и въ все пошлины, и ни въ что»; «съ всѣми *доходы* [...] и

съ всѣми пошлинами» [19, с. 180]. Слово *доходъ* часто встречается в памятниках дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским и характеризует дипломатические заявления польско-литовской стороны: «нашимъ предкомъ и намъ дани шли и *доходы* съ тѣхъ волостей и наши многи пошлыны [...] а нынѣ намъ отъ колка лѣтъ даний и *доходовъ* нѣтъ съ тѣхъ нашихъ волостей» (1488 г. [8, № 4, с. 15]); «абы наши данники тыи дани и *доходы* исполняли намъ по давному» (1490 г. [8, № 12, с. 48]).

Закрепление слова *доходъ* в великорусском деловом языке относится к последнему десятилетию XV в. Ср., например, в докончании рязанского великого князя Ивана Васильевича с князем Фёдором Васильевичем 1496 г.: «и Мещерские волости с оброки и з *доходы* по старинѣ» [4, с. 339]; многочисленные случаи употребления слова *доходъ* фиксируются в Новгородских писцовых книгах 1495–1501 гг.: «и всего *дохода* деньгами пол-шеста рубля ноугородцкая»; «и принимает к старому *доходу* денгами три рубли»; «а мелкого *дохода* тринадцать боранов» и т. д. [10, с. 107; ср.: 7, с. 103]. К середине XVI в. слово *доходъ* становится повсеместным в великорусских документах, ср.: «а жити Третьяку в той моей вотчине и пашня пахати и *доход* всякой со крестьян имати» (1546–1547 гг. [1, т. II, с. 195]); «пожаловал есми теми селы и деревнями [...] со всеми угоды [...] и з *доходом* з денежным и с хлебным» (1555 г. [1, т. II, с. 260]). Повсеместность данного слова в жалованных, закладных и прочих грамотах XVI в. не оставляет сомнения в том, что к этому времени оно было усвоено и разговорным языком. Уже в первой половине XVI в. слово могло употребляться и в церковнославянском языке, ср., в речи митрополита Даниила, произнесённой на соборе 1531 г. против нестяжательских взглядов Максима Грека: «Да ты же, Максим, святыя божия соборныя апостольския церкви и монастыри укоряеши и хулиши, что они стяжания, и люди, и *доходы*, и села имеют» (цит. по: [6, с. 97]). Отметим, что слово *доход* в русских говорах представлено только в конкретном пространственном значении 'окончание, приближение к концу'; известны лишь единичные записи производных от *доход* 'прибыль': *доходка* 'прибыль, доход' (Московская губ., 1908 г.) и *доходный* 'являющийся прибылью, составляющий чей-либо доход' («Доходных денег у дьякона в месяц рублей 60», Владимирская губ., 1912 г. [14, с. 160, 161]).

Возвращаясь к вопросу о происхождении русск. *доход*, можно констатировать, что приведённый материал довольно убедительно свидетельствует о том, что в великорусском оно является заимствованием из старобелорусского и/или староукраинского (а не прямо из польского, ср.: [33, с. 45]). Существительное *доходъ* также не мотивировано глаголом *доходити* в старобелорусском и староукраинском. В староукраинских памятниках XIV–XV вв. глагол *доходити* засвидетельствован всего лишь два раза, в обоих

случаях в конкретном пространственном значении [25, т. 1, с. 322, 323]. В связи с этим можно предположить, что старобелорусское и староукраинское слово *доходъ* было заимствовано в готовом виде из древнепольского, в котором, правда, *dochód* засвидетельствовано несколько позднее (1428 г. [31, т. 2, с. 906]), чем в староукраинском, но, имея ввиду исключительное господство латыни в польской деловой письменности в Средневековье, это обстоятельство не может исключать возможность существования слова *dochód* в древнепольском намного ранее его фиксации в памятниках. Отметим, что в научной литературе известно показательное количество несомненных полонизмов, зафиксированных в западнорусских памятниках раньше, чем в памятниках самого польского языка [2, с. 219–228; 3, с. 113–918; 34, с. 215–219]). Поскольку, однако, глагол **dochoditi* в древнепольском также не засвидетельствован в значениях, к которым можно было бы возвести исключительно экономическое значение существительного *dochód* [31, т. 2, с. 105, 106), нам кажется вполне вероятным, что данное слово и в древнепольский было заимствовано в готовом виде из древнечешского, в котором *dóchod* засвидетельствовано в первичном своём значении ‘результат’, мотивированном древнечешским значением глагола *dochoditi / docházěti* – ‘достигать’ [27, т. 1, с. 282, 283]), которое в древнепольский могло перейти в более узком, специальном экономическом значении как ‘результат экономической деятельности, польза от нее, доход’. Таким образом, современное общеславянское распространение данного слова обусловлено не его праславянской древностью, а позднейшей его миграцией, «цепной передачей» (по выражению А. Шенкера [18, с. 257]) из одного славянского языка в другой.

Таким образом, влияние канцелярского языка Великого княжества Литовского на московский канцелярский язык не только представляет собой важный факт истории культуры, но имеет не последнее значение и для славянской этимологии в более широком аспекте.

Не экономит нам времени на обращение к первоисточнику и *Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.* Здесь приводится заглавное слово **кма**т с восклицательным знаком! **кма**т <имат> с единственной цитатой из Статута Владислава Ягелло по белорусскому списку конца XV в.: **и(ж) пенезеи на кма(т) да(т)** [25, т. 1, с. 478] (буквы, включённые в круглые скобки, в рукописи являются выносными). В словаре *кма*т принимается за испорченное написание вместо *имат* от глагола *имати* и включается в список форм этого глагола как форма 3 лица множественного числа [25, т. 1, с. 436]. Такая реконструкция (**имают дати*), где **имат* воспринимается как форма вспомогательного глагола сложного будущего времени, едва ли подходит по смыслу, так как цитированная фраза является заголовком статьи Статута, где ожидается употребление настоящего времени. Кроме того, эта рекон-

струкция не объясняет функции предлога *на*, который в этом случае вообще не функционирует, и не остаётся ничего другого, как предположить, что он оказался здесь также по ошибке переписчика.

Более естественно предположить, что **кма(т)** является формой существительного. Но какого?

Некоторые издатели текста западнорусского перевода подозревали здесь испорченное написание слова *кметь*: *на кмети дают* ‘мужикам дают’ (см. разночтения к этому месту текста в издании: [29, с. 100]) Необычность этой синтаксической конструкции в восточнославянском ставит, однако, правильность этого толкования данного места текста под серьёзное сомнение.

Авторы цитированного нами издания не высказываются по вопросу о правильном чтении данного места памятника. Их нерешительность выражается также в том, что слово **кма(т)** отсутствует в указателе словоформ к западнорусскому тексту, составленном А. Вандасом [29, с. 181–233].

Западнорусский перевод (рукопись ГИМ, собрание Уварова № 702) представляет собой белорусский список конца XV в. с более раннего южноукраинского (галицкого) текста, возникшего, как полагают, в 1423–1434 гг. в связи с введением польского права в присоединённой к Польше Галицкой земле. Лингвистический анализ памятника свидетельствует о том, что перевод был сделан с латинского языка, хотя латинский текст, точно соответствующий западнорусскому, пока не обнаружен [32, с. 6].

Интересующий нас заголовок (**С** **ж**іде^x **и**ж **пенезеи на кма^т да^т**) и слово **кма^т** в нём с точки зрения языков Юго-Восточной Европы, конечно, не являются загадкой: порча текста, на наш взгляд, заключается в пропусчении буквы *a* в первом слоге, т. е. **кма^т** стоит на месте существительного **к[а]ма^т** ‘лихва, проценты’.

Наша реконструкция – **С** **ж**іде^x **и*** **пенезеи на к[а]ма^т да[ю]^т**, т. е. ‘О евреяx, которые деньги под проценты дают’ – устраняет как семантические, так и синтаксические трудности, оставшиеся неразрешёнными при предложенных до сих пор толкованиях. Если перевод возник в Галичине, знакомство переводчика со словом *камат* не удивительно, поскольку этот грецизм (*κάματος*) широко распространён в балканских языках и в венгерском (болг. диал. *камато* ‘долг’, макед. *камата* ‘проценты’, алб. *katatë* ‘то же’, с.-х. *katata* ‘то же’, венг. *katat* ‘то же’, рум. *cămătă* ‘пихва’ [24, с. 357], слово *камата* ‘проценты’ известно также украинским диалектам [16, т. 2, с. 212]. В форме *камато* слово засвидетельствовано также в церковнославянском языке русской редакции (Хождение Богородицы по мукам, XV в. [15, с. 41]), где оно восходит, вероятно, прямо к греческому оригиналу. В галицком же говоре первой трети XV в. слово **к[а]ма^т** могло появиться, скорее всего, как устное заимствование из соседнего языка – румынского или венгерского.

Если написание **к[а]ма^г** отражает произношение *камат* (без конечного гласного), в наличии данного слова в галицком говоре можно усматривать след венгерского влияния (утрата конечного гласного *-а* наблюдается только в венгерском, где слово было заимствовано из сербско-хорватского [28, с. 247]). В таком случае современное украинское диалектное слово *камата* должно рассматриваться как вторичное заимствование из румынского.

Как настоящий курьёз следует трактовать словарную статью ПОЛЬСКИЙ (ПОЛЬСКИЙ) в третьем томе Словаря языка Скорины, посвящённом именам собственным [26, с. 145]. Прилагательное *польский* здесь толкуется как “які адносіўся да Польўчы”, т. е. как современное русск. *польский*, что должно вызвать наше подозрение уже потому, что Польша по чисто хронологическим причинам не входит в “библейскую географию”. По всей видимости, таких сомнений у составителей словаря не возникало, поскольку заглавное слово *польский* они иллюстрируют цитатами из Псалтири: “Насытятся *дрьва польская*”, “*Вся покорилъ еси под нозе его, овьца и волю еще же и скоты польскья*”.

Проведённый нами анализ свидетельствует о том, что в лексикографической практике остаётся ещё немало загадок. Эти «курьёзы», кочуя из одной работы в другую, не только искажают значение слова, но могут намеренно изменить его прочтение, выдать «испорченную звукопись» за реальное слово, изменить его написание и исторический смысл. Задача лексикографа в этом направлении состоит в том, чтобы использовать весь арсенал научных средств – этимологические и палеографические исследования, историко-культурный и этнологический анализ контекстов и реальных событий и др. – для атрибутирования подобных ошибок и исключения их из новых, в том числе и электронных, версий исторических словарей восточнославянских языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты феодального землевладения и хозяйства: в 3 т. / под ред. Л.В. Черепнина. Т. II. М., 1956. 666 с.
2. Гумецкая Л.Л. К истории украинско-польских языковых связей // Исследования по польскому языку. М., 1969. С. 219–228.
3. Гумецкая Л.Л. Заметки об украинско-западнославянских связях древнего периода // Проблемы истории и диалектологии славянских языков: сборник статей к 70-летию чл.-корр. АН СССР В.И. Борковского. М., 1971. С. 113–118.
4. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / подгот. Л.Б. Черепнин; отв. ред. С.В. Вахрушин. М., 1950. 585 с.
5. Золтан А. Западнорусско-великорусские языковые контакты в области лексики в XV в. (К вопросу о западной традиции в деловой письменности Московской Руси): дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. 209 с.

6. Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. 312 с.
7. Материалы для терминологического словаря древней России / сост. Г.Е. Кочин. М., Л., 1937. 487 с.
8. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Ч. I (1487–1533 гг.). СПб., 1882. 6, VI, XXII, 870 с. (Сборник Императорского Русского исторического общества).
9. Памятники древнерусского канонического права. Ч. I. Памятники XI–XV вв. 2-е изд. СПб., 1908. 1472 с. (Русская историческая библиотека).
10. Памятники истории Великого Новгорода и Пскова: сборник / подгот. Г.Е. Кочин. М., Л., 1935. 192 с.
11. Памятники русского права: в 8 т. Т. 3. Памятники права периода образования русского централизованного государства / под ред. Л.В. Черепнина. М.: Госюриздат, 1955. 529 с.
12. Приселков М.Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916. 124 с.
13. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / гл. ред. Р.И. Аванесов. Т. 3. М.: Русский язык, 1990. 511 с.
14. Словарь русских народных говоров: в 47 вып. Вып. 1 / гл. ред. Ф.П. Филин. М., Л., 1965. 302 с.
15. Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 28 вып. / гл. ред. С.Г. Бархударов. Вып. 4. Г-Дяфинь. М.: Наука, 1977. 404 с.
16. Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина»: в 4 т. / под ред. Б.Д. Гринченко. Т. 2. Киев, 1907–1909.
17. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. Т. 1. СПб., 1893. 710 с.
18. Шенкер А. Главные пути лексических заимствований в славянских языках (на материалах чешского, польского и восточнославянских языков X–XVI вв.) // American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Columbus. 1983. Vol. 1. P. 255–267.
19. Щапов Я.Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. 242 с.
20. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. I. Вып. 1. А / под ред. Н.М. Шанского. М., 1963. 198 с.
21. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд: в 37 вып. / под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 5. М.: Наука, 1978. 232 с.
22. Български етимологичен речник: в 6 т. / под ред. В.И. Георгиева. Т. 1. А–З. София, Издателство на Българската Академия на Науките, 1971. 774 с.
23. Грамоти XIV ст. / упорядкування, вступна стаття, коментарі і словники-показчики М.М. Пещак. № 40. Київ, 1974.
24. Етимологічний словник української мови: в 7 т. / ред. О.С. Мельничук. Т. 4. Н–П. Київ, 2003. 657 с.
25. Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.: в 2 т. Т. 1, 2. Київ, 1977–1978.
26. Слоўнік мовы Скарыны. Т. 3. Анамастыка і тапаніміка / склалальнік У.В. Анічэнка. Мн., 1994.
27. Gebauer J. Slovník staročeský. Díl I–II (A–netbalivost). Díl 1. Praha, 1903–1916.

28. Kniezsa I. A magyar nyelv szláv jövevényszavai. T. I/1–2. Budapest, 1955.
29. Ruski przekład polskich statutów ziemskich z rękopisu moskiewskiego / opracowali i wydali S. Roman, A. Vetulani; index wyrazów i form opracował A. Wandas. Wrocław, Kraków, 1959. (Starodawne Prawa Polskiego Pomniki. Seria II: Pomniki Prawa Polskiego).
30. Słownik prasłowiański / red. F. Sławski. T. 4. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1974.
31. Słownik staropolski. T. 2. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1953–2002.
32. Wandas A. Język staroruskiego przekładu polskich statutów ziemskich Kazimierza Wielkiego i Władysława Jagiełły. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1966.
33. Witkowski W. Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim. Kraków, 2006. 278 c.
34. Zoltán A. Wczesne zapożyczenia polskie w języku rosyjskim a polska leksykologia historyczna // *Annales Universitatis Budapestinensis de Rolando Eötvös nominatae. Sectio: Linguistica*. 1978. T. IX. P. 211–219.

REFERENCES

1. Tcherepnin L.V., ed. *Akty feodal'nogo zemlevladieniya i khozyaistva. T. II* [Acts of feudal tenure and agriculture. Vol. II]. Moscow, 1956. 666 p.
2. Gumetskaya L.L. [The history of the Ukrainian-Polish linguistic relations]. In: *Issledovaniya po pol'skomu yazyku* [Studies in the Polish language]. Moscow, 1969, pp. 219–228.
3. Gumetskaya L.L. [Notes on the Ukrainian-West relations of the ancient period]. In: *Problemy istorii i dialektologii slavyanskikh yazykov: sbornik statei k 70-letiyu V.I. Borkovskogo* [Problems in the history and dialectology of Slavic languages: a collection of articles to the 70th V.I. Borkowski]. Moscow, 1971, pp. 113–118.
4. Bakhrushin S.V., ch. ed. *Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazei XIV–XVI vv.* [Spiritual and treaty deeds of the great and appanage princes of the XIV–XVI centuries]. Moscow, 1950. 585 p.
5. Zoltan A. *Zapadnorussko-velikorusskie yazykovye kontakty v oblasti leksiki v XV v. (K voprosu o zapadnoi traditsii v delovoi pis'mennosti Moskovskoi Rusi): dis. ... kand. filol. nauk* [West Russian-great Russian language contacts in the field of lexicon in the XV century (To the question on the Western tradition in business writing of the Moscow Rus): PhD thesis in Philological sciences]. Moscow, 1984. 209 p.
6. Kloss B.M. *Nikonovskii svod i russkie letopisi XVI–XVII vekov* [Nikon's Code and the Russian Chronicles of the XVI–XVII centuries]. Moscow, 1980. 312 p.
7. Kochin G.E., comp. *Materialy dlya terminologicheskogo slovarya drevnei Rossii* [Materials for the terminological dictionary of ancient Russia]. Moscow, Leningrad, 1937. 487 p.
8. *Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim. Ch. I (1487–1533)* [Monuments of Moscow state's diplomatic relations with the Polish-Lithuanian state. P. I (1487–1533)]. Petersburg, 1882. 6, VI, XXII, 870 p.
9. *Pamyatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava. Ch. I (Pamyatniki XI–XV vv.)* [The monuments of ancient Russian canonical law. Part I (the monuments of the XI–XV centuries)]. Petersburg, 1908. 1472 p.

10. *Pamyatniki istorii Velikogo Novgoroda i Pskova* [Historical monuments of Veliky Novgorod and Pskov]. Moscow, Leningrad, 1935. 192 p.

11. Tcherepnin L.V., ed. *Pamyatniki russkogo prava. T. 3. Pamyatniki prava perioda obrazovaniya russkogo tsentralizovannogo gosudarstva* [Monuments of Russian law. Vol. 3. Monuments of Law in time of Russian Centralized State Formation]. Moscow, Gosizurizdat Publ., 1955. 529 p.

12. Priselkov M.D. *Khanskie yarlyki russkim mitropolitam* [Khan Labels to the Russian metropolitans]. Petrograd, 1916. 124 p.

13. Avanesov R.I., gen. ed. *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.): v 10 t.* [Dictionary of the Old Russian language (XI–XIV centuries). Vol. 3]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1990. 511 p.

14. Filin F.P., gen. ed. *Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vyp. 1* [Dictionary of Russian folk dialects. Vol. 1]. Moscow, Leningrad, 1965. 302 c.

15. Barkhudarov S.G., gen. ed. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 4. G–Dyafin* [Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries. Vol. 4. G–Dyafin]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 404 p.

16. Grinchenko B.D., ed. *Slovar' ukrainskogo yazyka, sobrannyyi redaktsiei zhurnala «Kievskaya starina». T. 2* [Dictionary of the Ukrainian language, collected by the editors of the journal “Kievan antiquity”. Vol. 2]. Kiev, 1907–1909.

17. Sreznevskii I.I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam. T. 1* [Materials for the dictionary of the Old Russian language according to the written monuments. Vol. 1]. St. Petersburg, 1893. 710 p.

18. Shenker A. [The main routes of lexical borrowings in the Slavic languages (based on materials of Czech, Polish and East Slavic languages, the X–XVI centuries)]. In: *American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Columbus*, 1983, vol. 1, pp. 255–267.

19. Shchapov Ya.N. *Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI–XV vv.* [The ancient princeley charters of the XI–XV centuries]. Moscow, 1976. 242 p.

20. Shansky N.M., ed. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. T. I. Vyp. 1. A* [Etymological dictionary of the Russian language. Vol. I. Iss. 1. A]. Moscow, 1963. 198 c.

21. Trubachev O.N., ed. *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: Praslavyanskii leksicheskii fond. Vyp. 5* [Etymological dictionary of the Slavic languages: proto-Slavic lexical fund. Iss. 5]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 232 p.

22. Georgiev V.I. *Български етимологичен речник. Vol. 1. A–Z.* Sofia, Bulgarian Academy of Sciences Publishing House Publ., 1971. 774 p.

23. Melchak M.M., ed. *Грамоти XIV ст. No. 40.* Київ, 1974.

24. Melnichuk O.S., ed. *Етимологічний словник української мови. Vol. 4. Н–П.* Київ, 2003. 657 p.

25. *Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Vols 1, 2.* Київ, 1977–1978.

26. Anichenka U.V., comp. *Слоўнік мовы Скарыны. Vol. 3. Анамастыка і тапаніміка.* Minsk., 1994.

27. Gebauer J. *Slovník staročeský. Díl I–II (A–netbalivost). Díl 1.* Praha, 1903–1916.

28. Kniezsa I. *A magyar nyelv szláv jövevényszavai. Vol. I/1–2.* Budapest, 1955.

29. Ruski przekład polskich statutów ziemskich z rękopisu moskiewskiego / opracowali i wydali S. Roman, A. Vetulani; index wyrazów i form opracował A. Wandas. Wrocław–Kraków, 1959. (Starodawne Prawa Polskiego Pomniki. Seria II: Pomniki Prawa Polskiego).

30. Słowski F., ed. Słownik prasłowiański. Vol. 4. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1974.

31. Słownik staropolski. Vol. 2. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1953–2002.

32. Wandas A. Język staroruskiego przekładu polskich statutów ziemskich Kazimierza Wielkiego i Władysława Jagiełły. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1966.

33. Witkowski W. Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim. Kraków, 2006. 278 p.

34. Zoltán A. Wczesne zapożyczenia polskie w języku rosyjskim a polska leksykologia historyczna. In: *Annales Universitatis Budapestinensis de Rolando Eötvös nominatae. Sectio: Linguistica*, 1978, vol. IX, pp. 211–219.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Андраш Золтан – доктор филологических наук, профессор кафедры украинской филологии Университета имени Лоранда Этвеша; e-mail: zoltan.andras@btk.elte.hu

András Zoltán – Doctor in Philological sciences, professor at the Department of Ukrainian Philology, University of Lorind Etves, Budapest, Hungary; e-mail: zoltan.andras@btk.elte.hu

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Золтан А. Истины и курьёзы в исторических словарях восточнославянских языков XX–XXI вв. // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Zoltán A. Truths and curiosities in the historical dictionaries of the east slavic languages of the 20th and 21st centuries. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2017, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru